

АЛКИВІАДЪ ВТОРОЙ.

АЛКИВІАДЪ ВТОРОЙ.

ВВЕДЕНІЕ.

Всѣ новѣйшіе критики, занимавшіеся разборомъ и оцѣнкою сочиненій Платона, какъ-то—Шлейермахеръ, Астъ, Зохеръ, Бутманъ, Штальбомъ и другіе, согласны въ томъ, что «Алкивіадъ второй», находящійся въ сборникѣ Платоновыхъ сочиненій, написанъ не Платономъ. Касательно подлинности этого діалога сомнѣвались уже и древніе филологи. Такъ, Атений говоритъ (X, р. 506), что въ его время нѣкоторые усвоили этотъ разговоръ не Платону, а Ксенофону. Очень вѣроятно, что къ такому мнѣнію приведены были они словами Ксенофонта, который свидѣтельствуемъ (Мемог. 1, 3, 1), что Сократъ учитъ возносить богамъ молитвы осторожно и благоразумно,—какъ внушается дѣлать то же самое и въ «Алкивіадѣ второмъ». Но и ходъ разсматриваемаго разговора, и образъ выраженія заключающихся въ немъ изслѣдованій ясно показываютъ, что писатель его жилъ гораздо позднѣе Платона и Ксенофонта. Это, думаемъ мы, доказать очень нетрудно.

Нѣтъ ничего страннаго, что Сократъ могъ разсуждать о молитвѣ точно такъ, какъ разсуждаетъ онъ въ «Алкивіадѣ второмъ»,—тѣмъ болѣе, что такой именно взглядъ на молитву приписываетъ ему Ксенофонтъ. Сократъ могъ доказывать, что прежде, чѣмъ вздумаемъ мы просить о чемъ-

нибудь боговъ, надобно намъ стараться стяжать мудрость и добродѣтель, и потомъ уже, хорошо понявъ, въ чемъ именно заключается наша польза, обращаться къ богамъ съ молитвою объ истинно-полезномъ, чтобы чрезъ то сдѣлаться имъ благоугодными. Положивъ въ основаніе эту посылку, онъ могъ далѣе доказывать, что то полезное, въ которомъ, какъ въ полезномъ, нельзя сомнѣваться, есть честное и прекрасное, и отсюда заключать, что молитвы наши несомнѣнно благоугодны богамъ тогда, когда мы молимся о честномъ и похвальномъ; прочее же, для того или другаго признаваемое полезнымъ, надобно предоставить волѣ боговъ. Всему этому Сократъ могъ учить, такъ какъ тему сихъ мыслей повторяли еще Пифагорейцы: *οὐκ ἔα εὐχεσθαι ὑπὲρ ἑαυτῶν, διὰ τὸ μὴ εἰδέναι τὸ συμφέρον* (*Diog. Laert. VIII, 9*), или одинъ комикъ: *μὴ μοι γένοιθ' ἄ βούλομαι, ἀλλ' ἄ συμφέρει*. Но обработка и изложеніе содержанія въ этомъ разговорѣ далеко не платоновскія. Мы видимъ, что «Алкивіадъ» первый и второй во многомъ сходны между собою (сравни. р. 141 А. 148 А. съ Алкив. 1 р. 105 А; 145 В. съ Алк. 1 107 Е. 108 А; 145 D. съ Алк. 1 р. 108 В слл.). Однакожъ во «второмъ Алкивіадѣ» встрѣчается много особенностей и отступленій отъ «Алкивіада перваго», какъ въ языкѣ, такъ и въ мысляхъ. Здѣсь, напримѣръ, Сократъ является уже не такимъ строгимъ и взыскательнымъ учителемъ, какъ тамъ; да и Алкивіадъ говоритъ рѣшительнѣе и даже осмѣливается противорѣчить Сократу, чего тамъ не замѣчается. 143 А. С. 147 В. Лакедемонъ, по «первому Алкивіаду»—122 D—самый богатый городъ въ Элладѣ, а по второму—149 А,—въ отношеніи къ богатству, онъ равняется Аѣинамъ. Въ «первомъ Алкивіадѣ» все направлено къ самопознанію; а во второмъ главное дѣло—познаніе наилучшаго. Притомъ въ этомъ послѣднемъ разговорѣ утверждаются нѣкоторыя мысли, вовсе не платоновскія: напримѣръ, добро и знаніе противуполагаются одно другому такъ, что незнаніе часто бываетъ лучше знанія. Нельзя не замѣтить также, что изслѣдованіе въ «Алки-

віадѣ второмъ» мѣстами запутывается и уклоняется далеко въ сторону: одно и то же мнѣніе Алкивіада опровергается нѣсколько разъ — единственно съ цѣлію исторгнуть у него согласіе въ томъ, что мы не знаемъ, о чемъ надобно молить боговъ; а отсюда происходитъ то, что изъ разговора многія мѣста можно выкинуть, не вреда цѣлому, чего въ подлинныхъ сочиненіяхъ Платона никогда не бываетъ. Кромѣ того, нѣкоторыя мысли этого діалога выражены темно и неопредѣленно; Сократъ вдается въ длинныя декламаціи, обнаруживаетъ вовсе не свойственный себѣ характеръ разсужденій, является какимъ-то хвастливымъ резонеромъ и обширно объясняетъ то, что не требуетъ объясненій. Такіе недостатки видны на стр. 141 В sqq. 147 В sqq. 148 С. до 150 А. Здѣсь напрасно стали бы мы искать искусной и изящной бесѣды, тонкой и пріятной шутливости, ловкой и забавной ироніи, легкаго и мѣткаго очерка характеровъ: напротивъ, здѣсь иногда измышляются выходки грубыя и оскорбительныя, какова, на примѣръ, та, что Сократъ предполагаетъ въ Алкивіадѣ желаніе убить своего опекуна, и т. п. Мѣстами замѣтны также неискусныя заимствованія изъ другихъ, подлинныхъ діалоговъ Платона. Такъ, на стр. 141 А. В видна мысль, занятая изъ «Алкивіада перваго» р. 105 А. Но тамъ честолюбіе Алкивіада представляется до того великимъ, что для чести согласился бы онъ пожертвовать жизнію; а здѣсь, напротивъ, Сократъ приписываетъ ему такое расположеніе, что жизнь почитаетъ онъ выше всякихъ гражданскихъ почестей. Столь же неловко въ этомъ разговорѣ, на стр. 151 А, писатель воспользовался прекраснымъ оборотомъ въ Платоновомъ Симпосіонѣ, р. 213 Е, гдѣ Алкивіадъ беретъ вѣнокъ отъ Агатона и возлагаетъ его на голову Сократа. Въ «Алкивіадѣ второмъ» этотъ вѣнокъ представляется весьма непріятною вставкою и внесенъ сюда вовсе не кстаті.

Кромѣ этихъ и другихъ многихъ несообразностей, замѣчаемыхъ въ содержаніи и изложеніи разсматриваемаго діалога,

какихъ подлинныя сочиненія Платона нигдѣ не представляють, есть много неплатоновскаго и въ самомъ его языкѣ: встрѣчается въ немъ много такихъ выражений и словъ, которыя ясно доказываютъ, что онъ написанъ далеко позднѣе, чѣмъ когда жилъ Платонъ. Довольно прочитать въ немъ одинъ или два періода, чтобы видѣть, какъ мало правильности и чистоты въ его рѣчи: вездѣ встрѣчаешь то странную безсвязность понятій, то необыкновенную иносказательность выраженія, то небывалое сближеніе реченій, то изысканную кудрявость фразы. Все это внѣшней формѣ разговора сообщаетъ какую-то непріятную пестроту и разнохарактерность; и по всему этому «Алкивиадъ второй» не можетъ быть усвоенъ не только Платону, но и никакому другому лучшему и извѣстнѣйшему въ древности писателю, а долженъ быть признаваемъ за произведеніе какого-нибудь Грека, жившаго во времена уже позднѣйшія. Напримѣръ, на страницѣ 148 В, странно читать: *ὡς πάντας αἰσθέσθαι*, гдѣ *ὡς πάντας* очевидно стоитъ вмѣсто *ὡς πλείστους*; потому что предъ *πᾶς* у писателя, говорящаго по-гречески чисто и правильно, никогда не встрѣтишь частицы *ὡς*. Столь же далеко отъ чистоты Платонова языка выраженіе: *ὁ τι ἐν νῶ ἔχεις πρὸς ταῦτα*—150 В, и множество другихъ, о которыхъ мы по мѣстамъ сдѣлали замѣчанія подъ текстомъ перевода.

Вникая теперь во внутреннія и внѣшнія свойства «Алкивиада втораго», нѣтъ ли возможности по крайней мѣрѣ приблизительно опредѣлить время появленія его на свѣтъ? Бэккъ, на основаніи доказываемаго въ «Алкивиадѣ второмъ» положенія, что *πᾶς ἄφρων μαινεται*,—р. 139 В. С, заключаетъ, что этотъ разговоръ написанъ въ періодъ процвѣтанія стоической школы и вышелъ изъ подъ пера какого-то поверхностнаго мыслителя, любившаго пересказывать и доказывать стоическіе парадоксы, къ которымъ принадлежитъ и приведенное положеніе. Если мы возьмемъ въ разсмотрѣніе образъ выраженія въ «Алкивиадѣ второмъ» и будемъ сравнивать его съ внѣшнимъ характеромъ греческой рѣчи въ ту или другую

эпоху; то подойдемъ еще ближе къ тому времени, въ которое этотъ разговоръ могъ быть написанъ, и выскажемъ, какъ догадку правдоподобную, что его происхождение относится къ эпохѣ греческой литературы послѣ Александра Македонскаго; потому что до той эпохи языкъ древнихъ Грековъ сохранялъ правильность аттическаго выраженія и не принималъ въ себя барбаризмовъ. Притомъ извѣстно, что вопросъ о молитвѣ около того времени у Стоиковъ былъ въ большомъ ходу, и они могли разсуждать объ этомъ предметѣ съ свойственными имъ тонкостями. По крайней мѣрѣ многое, что касательно молитвы высказано въ «Алкивиадѣ второмъ», мы находимъ также у Арріана и Эпиктета. Снес. р. 138 С. *Epict. Enchirid.* XXXI, 4. *Arrian.* II, 22. IV, 5. Но нельзя полагать, что этотъ діалогъ написанъ послѣ Р. X.; потому что о немъ упоминаютъ *Элианъ* (*Varr. Hist.* VIII, 4), *Атений* (X р. 506 С) и *Диог. Лаэртий* (III, 59), по свидѣтельству котораго (II, 58) еще Тразиллъ, жившій въ царствованіе Августа и Тиверія, внесъ его въ одну изъ тетралогій, чего никакъ не могло бы быть, еслибы этого діалога тогда не существовало и еслибы не привыкли уже смотрѣть на него, какъ на сочиненіе Платона. Итакъ можно думать, что «Алкивиадъ второй» составленъ во второмъ или третьемъ вѣкѣ предъ Р. X. и внесенъ въ сборникъ Платоновыхъ сочиненій александрийскими грамматиками; потому что и изъ другихъ примѣровъ довольно извѣстно, что въ тѣ особенно времена было въ обычаѣ дѣлать литературные подлоги. И неудивительно, что это сочиненіе украшено было тогда именемъ Платона. Писатель его выбралъ такой предметъ, о которомъ Сократъ, по свидѣтельству Ксенофонта, дѣйствительно разсуждалъ; въ способѣ изложенія этого предмета слѣдовалъ онъ, по возможности, Сократу, или лучше—Платону; излагая свой взглядъ на молитву, кажется, хотѣлъ къ Платонову «Алкивиаду» придѣлать вторую часть. Въ самомъ дѣлѣ, какъ въ «первомъ Алкивиадѣ» гордый юноша, стремящійся къ владычеству надъ аѣинскою республикою, наконецъ дол-

женъ былъ согласиться, что еще не приобрѣлъ знанія для наилучшаго управленія ею: такъ въ «Алкивіадѣ второмъ» онъ же, намѣреваясь принести богамъ жертву, приходитъ къ убѣжденію, что ему неизвѣстно еще, какимъ образомъ лучше благоугодить имъ. Такая связь двухъ «Алкивіадовъ» легко могла ввести въ обманъ грамматиковъ, и ради «Алкивіада перваго», написаннаго дѣйствительно Платономъ, внести въ сборникъ Платоновыхъ сочиненій и «Алкивіада втораго». А на различіе языка тогдашніе критики, привыкшіе къ языку современному, и незамѣчавшіе его упадка, вѣроятно не обращали вниманія.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЬ И АЛКВИАДЪ.

Сокр. Не молитесь ли Богу ¹ идешь, Алквиадъ?

Алк. Конечно, Сократъ.

138.

Сокр. То-то ты показался мнѣ съ наморщеннымъ челомъ и поникшимъ къ землѣ взоромъ, какъ будто о чемъ-нибудь мыслилъ.

Алк. Но о чемъ тутъ сталъ бы кто-нибудь мыслить, Сократъ?

Сокр. О дѣлѣ величайшемъ, Алквиадъ, какъ мнѣ по

¹ Все, что древніе философы говорили о молитвѣ и религиозныхъ дѣйствіяхъ, описывается и изслѣдывается у Оригена (*περὶ εὐχῆς* § 11 sqq., ad *Celsum* II. p. 68), у Климента Александрійскаго (VII. p. 854), у Прокла (*in Tim. libr. II* p. 64), у Иерокла (*in avg. sarm. XLIX*). Этого предмета касались также Ювеналь (*Satyr. X*) и Персій (*Satyr. II*). Сущность собственно Сократова ученія о молитвѣ излагаютъ Ксенофонтъ (*Memor. 1, 3, 1 sqq.*) и Валерій Максимъ (VII, 2), который говоритъ такъ: «Сократъ, какъ бы нѣкоторый оракулъ земной человѣческой мудрости, не полагалъ нужнымъ просить боговъ о чемъ-либо, кромѣ какъ о томъ, чтобы они подавали намъ блага; ибо сами знаютъ, что всякому полезно, а мы по большей части вымаливаемъ то, чего не просить было бы лучше. Ты, покрытый непроницаемымъ мракомъ, человѣческой умъ, въ какой обширной области слѣпыхъ заблужденій разсѣиваешь свои моленія! Ты жаждешь богатства, которое для многихъ было гибельно; желаешь почестей, которыя многихъ унизили; мечтаешь о царствованіи, котораго исходъ часто бываетъ очень жалокъ; опираешься на блистательное супружество, которое иногда дѣйствительно доставляетъ знатность, но въ другое время разрушаетъ семейства. Итакъ перестань безумно жаждать причинъ будущихъ твоихъ бѣдствій, какъ основаній твоего счастья, и всего себя ввѣрь небесному Промыслу; ибо кто, по обычаю, легко подаетъ блага, тотъ удобно можетъ и избирать ихъ.» Мысли Платона о молитвѣ см. *Euthyphr.*

В. крайней мѣрѣ кажется. Скажи-ка, ради Зевса, не думаешь ли ты, что боги, чего намъ случается просить у нихъ частно или всенародно, иное даютъ, а иного нѣтъ, и однимъ даютъ ¹, другимъ нѣтъ?

Алк. Конечно.

Сокр. Такъ не кажется ли тебѣ, что надобно имѣть много благоразумія, чтобы, по незнанію, не просить великихъ золъ, почитая ихъ благомъ, и чтобы боги, находясь въ такомъ расположеніи ², въ какомъ они даютъ, не дали, чего кто просить? Вотъ напримѣръ, Эдипъ, говорятъ, просилъ, чтобы его сыновья отцовское наслѣдство дѣлили желѣзомъ ³. Можно было ему просить о какомъ-нибудь отвращеніи настоящихъ золъ: напротивъ онъ, кромѣ бывшихъ, напросился еще на другія. Они совершились, а изъ нихъ простекло много иныхъ и ужасныхъ ⁴, о которыхъ нужно ли и говорить порознь?

Алк. Но ты, Сократъ, упомянулъ о человѣкѣ сумасшедшемъ; ибо кто бы, будучи здоровымъ, дерзнулъ, кажется, просить этого?

Сокр. А сумасшествіе представляется ли тебѣ противоположнымъ разумности?

Алк. Конечно.

Д. *Сокр.* Неразумные же и разумные кажутся тебѣ какими-нибудь людьми?

Алк. Кажутся.

Сокр. Давай же рассмотримъ, кто такіе они. Мы уже со-

¹ И однимъ даютъ, другимъ нѣтъ: — καὶ ἔστιν οἷς μὲν αὐτῶν, ἔστι δὲ οἷς οὐ. Здѣсь мѣстоимствіе αὐτῶν или вовсе лишнее, потому что выше сказано: ἃ τούχάνομεν εὐχόμενοι, или вмѣсто αὐτῶν надобно читать ἡμῶν.

² Находясь въ такомъ расположеніи, ἐν ταύτῃ ὄντες τῇ ἕξει, — выраженіе, относящееся къ позднѣйшему развитію языка и у Платона невстрѣчающееся. Платонъ сказалъ бы: οἱ δὲ θεοὶ οὕτω διακείμενοι.

³ Объ этомъ безумномъ прошеніи Эдипа см. Eurip. Phoeniss. 66, ст. 625 sqq. 477. На тотъ же примѣръ часто указываютъ въ своемъ ученіи Стоики, см. Epict. Enchir. XXXI. 4. Arrian. II, 22. IV, 5.

⁴ Здѣсь разумѣется война семи вождей противъ Фивянъ и взаимное убійство братьевъ.

гласились, что одни бываютъ неразумные и разумные, а другіе сумасшедшіе.

Алк. Да, согласились.

Сокр. А есть ли иные здравые?

Алк. Есть.

Сокр. Нѣтъ ли и другихъ—больныхъ?

139.

Алк. Конечно.

Сокр. И эти—не тѣ?

Алк. Да, не тѣ.

Сокр. Такъ нѣтъ ли и такихъ еще, о которыхъ нельзя сказать ни того, ни другаго?

Алк. Ну нѣтъ.

Сокр. Потому что человѣку необходимо либо быть, либо не быть больнымъ?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Что жъ? то же ли ты имѣешь понятіе о разумности и неразумности?

Алк. Какъ ты говоришь?

Сокр. Кажется ли тебѣ, что можно быть либо разумнымъ, либо неразумнымъ? или есть еще третіе, среднее состояніе, дѣлающее человѣка ни разумнымъ, ни неразумнымъ?

Алк. Ну нѣтъ.

В.

Сокр. Стало быть, необходимо имѣть одно изъ этихъ свойствъ.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Но помнишь ли, ты согласился, что сумасшествіе противно разумности?

Алк. Да.

Сокр. Не согласился ли также, что нѣтъ никакого третьяго, средняго состоянія, которое дѣлаетъ человѣка ни разумнымъ, ни неразумнымъ?

Алк. Да, согласился.

Сокр. Такъ какимъ же образомъ одной вещи могутъ быть противны двѣ?

Алк. Никакимъ.

Сокр. Стало быть, неразумность и сумасшествіе должны быть однимъ и тѣмъ же ¹.

С. *Алк.* Видимо.

Сокр. Итакъ, говоря, что всѣ неразумные—сумасшедшіе, мы говорили бы справедливо, Алкивиадъ. Напримѣръ, мы сказали бы это справедливо о твоихъ сверстникахъ, какъ скоро нѣкоторые изъ нихъ неразумны,—да и есть такіе,—и даже о старикахъ. Скажи ради Зевса, не думаешь ли ты, что въ городѣ людей разумныхъ немного, а неразумныхъ много, и послѣднихъ не сумасшедшими ли называешь ты?

Алк. Да.

Сокр. Такъ подумалъ бы ты,—не давно ли уже были бы мы наказаны, живя безопасно съ столь многими сумасшедшими, не бывъ ни биты, ни мяты ими, и не подвергшись ничему такому, что обыкновенно дѣлаютъ сумасшедшіе? Смотри-ка, добрякъ, такъ ли это въ самомъ дѣлѣ?

Алк. Какъ же иначе могло бы быть, Сократъ? Только вѣроятно не такъ, какъ я думалъ.

Сокр. И мнѣ тоже кажется. Но сообразимъ какъ-нибудь такъ.

Алк. Какимъ образомъ?

Сокр. А вотъ я скажу тебѣ. Предполагаемъ ли мы, что нѣкоторые люди больны, или нѣтъ?

Алк. Конечно.

Е. *Сокр.* Но не кажется ли тебѣ, что болящему необходимо страдать либо подагрой, либо горячкою, либо слѣпотою? и не думаешь ли ты, что можно имѣть и другую болѣзнь, не страдая ни которою изъ тѣхъ? Вѣдь ихъ очень много, а не тѣ однѣ.

Алк. Мнѣ такъ и кажется.

Сокр. Такъ всякая слѣпота кажется тебѣ болѣзнію?

Алк. Да.

¹ Стало быть неразумность и сумасшествіе должны быть однимъ и тѣмъ же—прямое указаніе на одинъ изъ стоическихъ парадоксовъ: *ὅτι πᾶς ἀρρωγὴ μαλίστα*. См. *Cicero, Parad.* 4.

Сокр. И болѣзнь есть также всякая слѣпота?

Алк. Нѣтъ, я несогласенъ; только недоумѣваю, какъ сказать.

Сокр. Но если ты къ моимъ словамъ приложишь вниманіе; то, изслѣдывая вдвоемъ, мы, можетъ быть, и найдемъ. 140.

Алк. Да по моимъ силамъ, я внимаю.

Сокр. Такъ нами допущено, что всякая слѣпота есть болѣзнь, но болѣзнь уже не есть всякая слѣпота?

Алк. Допущено.

Сокр. Вѣдь и справедливо, кажется, допустили мы; потому что всѣ одержимые горячкою, думаю, болѣютъ, но не всѣ болящіе одержимы бываютъ горячкою, подагрою и слѣпотою. В. Все такое конечно есть болѣзнь: однакожь, по словамъ такъ называемыхъ нами врачей, дѣйствіе ихъ различно; потому что не всѣ онѣ подобны и не всѣ подобнымъ образомъ дѣйствуютъ ¹, но каждая по своей силѣ (природѣ), хотя всѣ онѣ — болѣзни. Мы понимаемъ ихъ, какбы какихъ-нибудь мастеровъ,—не такъ ли?

Алк. Конечно.

Сокр. Какъ сапожниковъ, плотниковъ, статуйщиковъ и многихъ другихъ;—но зачѣмъ говорить о нихъ порознь?—Они раздѣлили между собою части мастерства, и всѣ—мастера; однакожь всѣ эти мастера, взятые вмѣстѣ, и не плотники, и не сапожники, и не статуйщики. С.

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. Такъ этимъ же образомъ люди раздѣлили и неразумность, и тѣхъ, которые имѣютъ большую часть ея, мы называемъ сумасшедшими, а другихъ, имѣющихъ нѣсколько

¹ Не всѣ подобнымъ образомъ дѣйствуютъ—οὔτε ὁμοίως διαπράττουσι, т. е. ἀπεργάζονται. Это—необыкновенное употребленіе глагола διαπράττειν, такъ что другой примѣръ подобнаго его употребленія едва ли можетъ быть отысканъ у хорошихъ писателей. Даже и въ выраженіи: различно бываетъ дѣйствіе — διαφέρειν τὴν ἀπεργασίαν αὐτῶν, отрѣшенное значеніе слова ἀπεργασία можно допустить только въ языкѣ испорченномъ. У Платона оно употребляется не такъ. См., наприм., Protag. p. 312 D. πρὸς τὴν ἀπεργασίαν τὴν τῶν εἰκότων, Gorg. p. 462 C. χάριτός τινος καὶ ἡδονῆς ἀπεργασία, et alib.

меньше,—глупыми и ошеломленными; когда же хотятъ давать имъ имена благовидныя, — однихъ называютъ высокоумными ¹, другихъ—простяками, иныхъ—то незлобивы-
D. ми, то неопытными, то нѣмыми. Если будешь искать,—найдешь много и другихъ именъ. Все это неразумность, и различіе тутъ подобно различію между искусствомъ и искусствомъ, болѣзнію и болѣзнію. Или какъ тебѣ кажется?

Алк. Мнѣ такъ.

Сокр. Возвратимся же опять къ прежнему. Можетъ быть, намъ и при началѣ бесѣды надлежало разсмотрѣть, что такое—неразумные и разумные. Вѣдь уже допущено, что они есть. Не такъ ли ²?

Алк. Да, допущено.

E. *Сокр.* Такъ тѣхъ ли считаешь ты разумными, которые знаютъ, что надобно дѣлать и говорить.

Алк. Да.

Сокр. Кого же неразумными? тѣхъ ли, которые не знаютъ ни того ни другаго?

Алк. Тѣхъ.

Сокр. А незнающіе ни того ни другаго, не правда ли, не знаютъ сами, что говорятъ, и дѣлаютъ, чего не должно?

Алк. Видимо.

Сокр. Къ этимъ-то людямъ, Алкивиадъ, причисляется и
141. Эдиппъ, говорилъ я. Много подобныхъ найдешь ты и теперь, которые водятся не гнѣвомъ, какъ онъ, и думаютъ, что вымаливаютъ себѣ не зло, а добро. Тотъ какбы и не

¹ *Высокоумными*—*μεγαλόφρονες*. *Μεγαλόφρονες* причисляются къ неразумнымъ. Но явно, что это слово получило значеніе высокоумія или надменія уже въ позднѣйшія времена греческой словесности. У писателей древнихъ имъ означался не видъ неразумія, а нравственная добродѣтель—великодушіе.

² *Не такъ ли*—*ἢ γάρ οὐ*; Это—еще одно изъ безчисленныхъ доказательствъ, что Алкивиадъ второй писанъ не Платономъ и даже не важнымъ писателемъ: зачѣмъ здѣсь къ *ἢ γάρ* прибавлено еще *οὐ*? У Платона нигдѣ нѣтъ подобнаго удвоенія; да оно и не нужно, потому что только затемняетъ вопросъ.

молился, и не думалъ; а есть иные противнаго свойства. Въ самомъ дѣлѣ, я думаю о первомъ тебѣ: еслибы Богъ, къ которому теперь идешь, прежде чѣмъ сталъ бы ты молиться ему о чемъ-нибудь, явился тебѣ и спросилъ, — дозволено ли для тебя сдѣлаться обладателемъ аеинской республики, и когда бы ты счелъ это маловажнымъ, а не чѣмъ-нибудь великимъ, прибавилъ: и всей Эллады? но потомъ увидѣлъ бы, что и этого тебѣ мало, пока онъ не пообѣщаетъ всей Европы, и не только не пообѣщаетъ, но, по В. твоему желанію, не заставитъ всѣхъ нынѣ же ощутить, что Алквиадъ, сынъ Клиніаса, — тираннъ; то ты, думаю, пошелъ бы отъ него очень обрадованнымъ, какъ человѣкъ, получившій величайшія блага.

Алк. Я думаю, Сократъ, что и всякій тоже, кому досталось бы получить это.

Сокр. Однакожь за свою душу ты не захотѣлъ бы взять с. даже земли всѣхъ Эллиновъ и варваровъ, и владычества надъ ними.

Алк. Да, не захотѣлъ бы, думаю; потому что какъ я взялъ бы, не могли этимъ пользоваться?

Сокр. А еслибы ты могъ пользоваться этимъ какъ-нибудь худо и вредно? Тогда бы уже не такъ?

Алк. Конечно.

Сокр. Такъ видишь ли, какая опасность — и даваемое принимать ¹ легкомысленно, и самому молиться, чтобы что-нибудь дано было, когда чрезъ это молящійся имѣетъ либо получить вредъ, либо вовсе разстаться съ жизнью? Можно D. бы указать на многихъ, которые, устремившись къ тиранніи и стараясь, чтобы она досталась имъ, какбы дѣлали что-нибудь доброе, — чрезъ тираннію подверглись злоумышленію и лишены были жизни. Я думаю, ты слышалъ о нѣкоторыхъ недавнихъ событіяхъ ², что македонскаго

¹ *Даваемое принимать легкомысленно.* О пословицѣ *δέχεσθαι τὸ δίδόμενον* см. Gorg. p. 498 С. прим.

² *О нѣкоторыхъ недавнихъ событіяхъ*—*ἑνὶ τῆς χθιζῆς καὶ προῖζῆς γεγενημένα:*

- тиранна Архелая убилъ любимый имъ юноша, любив-
 Е. шій тираннію не менѣе, чѣмъ тотъ любилъ юношу, —
 убилъ въ надеждѣ, что онъ будетъ властелиномъ и чело-
 вѣкомъ счастливымъ. Но, удержавъ власть три или четы-
 ре дня, онъ и самъ въ свою очередь подвергся злоумыш-
 ленію отъ нѣкоторыхъ другихъ и умеръ. То же видишь ты
 и на нашихъ гражданахъ, — вѣдь это уже мы не отъ дру-
 гихъ слышали, а знаемъ, какъ очевидные свидѣтели. —
 142. Изъ тѣхъ, которые стремились къ званію военачальниковъ
 и уже достигли его, одни и донынѣ остаются ссылочными
 внѣ отечественнаго города; другіе потеряли жизнь; а кто
 находилъ свои обстоятельства повидимому и хорошими, —
 испыталъ множество опасностей и ужасовъ не только во
 время военачальства, но и послѣ, по возвращеніи домой,
 и умиралъ, осаждаемый клеветниками нисколько не менѣе,
 чѣмъ непріятелями; такъ что иные изъ нихъ желали бы
 В. лучше никогда не быть военачальниками, чѣмъ испыты-
 вать то, что испытали они въ военачальствованіи. Пускай
 бы уже опасности и труды служили къ пользѣ, — все бы
 это что-нибудь значило: а то совсѣмъ напротивъ. Такимъ
 же образомъ найдешь это и относительно дѣтей. Иные ког-

подражаніе извѣстному мѣсту въ Горгіасѣ (470 D), но весьма неловкое и невѣрное. Во-первыхъ, вмѣсто Горгіасова τὰ γεγενημένα, сказано ἐντα γεγενη-
 μένα, что синтаксически неправильно; потому что ἐντα не имѣетъ силы члена,
 слѣдовательно причастию γεγενημένα не даетъ значенія имени существительнаго.
 Во-вторыхъ, вмѣсто Горгіасова ἐχθρὸς καὶ πρῶτον, употреблено выраженіе поэ-
 тическое (омировское) χθρὸς καὶ πρῶτος — единственно для блеска фразы.
 Сверхъ того, въ приводимомъ здѣсь разсказѣ объ Архелавъ македонскомъ
 допущенъ самый грубый анахронизмъ. Именно, — въ Горгіасѣ повѣствуется о
 томъ, какъ незаконно Архелай завладѣлъ македонскимъ престоломъ; а здѣсь
 излагается, какъ онъ былъ умерщвленъ. Но смерть Архелая случилась 1,
 XCV олимп. (*Didor.* XIV, с. 37. *Arist. Polit.* V, 10), то-есть въ одномъ году
 съ смертью Сократа, о чемъ однакожъ Сократъ говоритъ, какъ о событіи
 прошедшемъ и ему исторически извѣстномъ. Этотъ анахронизмъ покажется
 еще нелѣпѣе, когда представимъ, что разговаривающій здѣсь Алквивіадъ яв-
 ляется юношею, еще не вступившимъ въ кругъ гражданскихъ обязанностей;
 а это указываетъ на время предшествовавшее, на 4, LXXXIX олимп., слѣ-
 дователно долженствовало быть тридцатью годами раньше смерти Архелая.
 Впрочемъ объ этомъ мѣстѣ разговора упоминаетъ и Эліанъ V, 11, VIII, 9).

да-то молились, чтобы у нихъ были дѣти; но родившіе ихъ подверглись несчастіямъ и величайшимъ скорбямъ: потому что одни всю свою жизнь провели скорбно,—такъ какъ дѣти у нихъ всегда были негодныя; а у другихъ хотя были и добрыя, но они, по несчастію, лишились ихъ, и оттого испытали не меньше горя, какъ и первые, и лучше хотѣли С. бы остаться бездѣтными, нежели раждать. Впрочемъ хотя и эти, и другіе многіе, подобные случаи весьма явны; однакожь рѣдко найдешь, чтобы кто-нибудь либо отказывался отъ того, что дается ему, либо, имѣя получить это чрезъ молитву, пересталъ молиться. Многіе не отказались бы ни отъ тиранніи, когда бы она давалась, ни отъ военачальства, ни отъ другихъ вещей, которыя болѣе вредны имъ, чѣмъ полезны: напротивъ даже молились бы о полученіи ихъ, еслибы онѣ не представлялись сами собою; вскорѣ же по полученіи, иногда они поютъ другое и отмаливаются отъ того, чего прежде просили. Итакъ я недоумѣваю, не вовсе ли напрасно люди винятъ боговъ, говоря, что отъ нихъ посылается имъ зло, тогда какъ надлежало бы сказать, что они, сверхъ своего жребія, *навлекаютъ скорби сами на себя дерзостію* ¹, E. либо неразуміемъ. Поэтому, Алквивадъ, должно быть, уменьшъ былъ тотъ поэтъ, который, имѣя у себя, видно, какихъ-нибудь неразумныхъ друзей, и замѣчая, что они дѣлаютъ то, и молятся о томъ, что хотя и нравилось имъ, а было нехорошо, вознесъ молитву за всѣхъ ихъ вообще и говорилъ такъ:

Царь Зевсъ! молимъ тебя мы, или не молимъ, — даруй намъ 143.
Доброе только, зло жъ удержи, хотя бъ и молились ².

¹ *Навлекаютъ скорби сами на себя дерзостію.* Говоря такъ, писатель имѣетъ въ виду стихи изъ Одиссеи (1, 32 сл.): ὦ πάποι, οἷον δὴ νῦ θεοὺς βροτοὶ αἰτιώωνται. Ἐξ ἡμέων γὰρ φασὶ κακ' ἔμμεναι· οἱ δὲ καὶ αὐτοὶ σφῆσιν ἄτασθαλίησιν ὑπερμόρον ἄλγε' ἔχουσιν.

² Эти стихи встрѣчаются въ Anthol. 1, 31. Adespot. 466. Brunck. Къ нимъ писатель прибавилъ отъ себя κελεύει, которое здѣсь вовсе не кстати. Въ подлинномъ текстѣ, вмѣсто ἀπολλέξειν, читается ἀπερούκοις, а вмѣсто δεῖν ἀ—λυορά.

Мнѣ кажется, поэтъ говоритъ хорошо и осторожно; а если ты можешь сказать что-нибудь напротивъ,—не умолчи.

Алк. Трудно, Сократъ, противорѣчить тому, что сказано хорошо. Нѣтъ, я размышляю о томъ, сколькихъ золъ причиною бываетъ человѣческое невѣденіе, когда мы отъ этого
 В. невѣденія, повидимому, мимо собственного сознанія, и дѣлаемъ, и—что всего хуже—вымаливаемъ самимъ себѣ величайшее зло. Между тѣмъ никто не думаетъ объ этомъ; напротивъ, въ отношеніи къ этому-то—вымолить самому себѣ наилучшее, а не наихудшее—всякій почитаетъ себя способнымъ. Это, по правдѣ сказать, болѣе походить на заклинаніе, чѣмъ на молитву.

Сокр. Но, можетъ быть, какой-нибудь человѣкъ помудрѣе меня и тебя, почтеннѣйшій, скажетъ, что мы несправедливо говоримъ, безъ причины порицая невѣденіе, если
 С. не прибавимъ, что оно въ отношеніи къ нѣкоторымъ вещамъ и къ состоянію нѣкоторыхъ людей есть добро, а въ отношеніи къ другимъ—зло.

Алк. Какъ ты говоришь? не такъ ли, что иной вещи иному человѣку, въ извѣстномъ состояніи находящемуся, лучше не знать, чѣмъ знать?

Сокр. Мнѣ кажется. А тебѣ нѣтъ?

Алк. Да, клянусь Зевсомъ, нѣтъ.

Сокр. Впрочемъ я не представляю, что ты захочешь то же сдѣлать въ отношеніи къ своей матери, что сдѣлали, говорятъ, Орестъ, Алкмеонъ, и другіе подобные имъ.

Д. *Алк.* Говори лучше, ради Зевса, Сократъ.

Сокр. Не тому, Алкивиадъ, кто сказалъ, что ты не захочешь сдѣлать себѣ этого, надобно приказывать говорить лучше, а гораздо скорѣе—тому, кто говоритъ противное. Если это дѣло кажется тебѣ столь ужаснымъ, что и говорить о немъ такъ не годится; то думаешь ли, что Орестъ, еслибы онъ былъ уменъ и зналъ, что лучше дѣлать ему, дерзнулъ сдѣлать нѣчто такое?

Е. *Алк.* Нѣтъ.

Сокр. Да и никто, думаю, другой.

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. Слѣдовательно незнаніе наилучшаго и не знать, что есть наилучшее, какъ видно, будетъ зломъ.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Значить, зломъ и Оресту и всѣмъ другимъ?

Алк. Полагаю.

Сокр. Разсмотримъ еще и слѣдующее. Еслибы, напримѣръ, тебѣ живо представилась мысль, что будетъ лучше, взявъ кинжалъ, пойти къ дверямъ твоего опекуна и друга Перикла и, спросивъ, у себя ли онъ, убить его самого, а 144. не кого другаго ¹: пусть люди даже сказали бы, что онъ дома,—я не говорю однакожь, что ты захотѣлъ бы сдѣлать что-нибудь такое; но, думаю, помыслилъ бы, что человѣку, незнающему наилучшаго, ничто не мѣшаетъ поддаться мнѣнію и принять самое худое за самое хорошее. Или тебѣ не кажется?

Алк. Конечно.

Сокр. Итакъ, еслибы ты вошелъ и увидѣлъ его, но не узналъ и подумалъ, что это кто-нибудь другой, — отважился ли бы и при этомъ убить его?

Алк. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, мнѣ это не кажется.

Сокр. Вѣроятно потому, что увидѣлъ случайно встрѣтившагося, а не того, кого хотѣлъ. Не правда ли?

¹ Сократъ здѣсь намѣренъ доказать, что незнаніе иногда бываетъ хорошо и полезно. А это очевидно не гармонируетъ съ тѣмъ, что выше сказано было *περί τῆς τοῦ βελτίστου ἀγνοίας*, о чемъ теперь и рѣчи нѣтъ. Итакъ писатель, показывая, что незнаніе иногда избавляетъ насъ отъ бѣдъ, явно потерялъ нить разсужденія. Притомъ, примѣръ здѣсь избранъ такой, что вовсе не свойственъ гуманному духу Сократа и обыкновенной мягкости и деликатности его выраженія. Таково ли, напримѣръ, подобное мѣсто въ Горгіасѣ (р. 469 D. E)? «вѣдь покажись мнѣ, что изъ видимыхъ тобою здѣсь людей кто-нибудь сейчасъ долженъ умереть, — и тотъ, на кого пало бы это мнѣніе, умереть... Такъ велика моя сила въ этомъ городѣ! А еслибы тебѣ не вѣрилось,—я показалъ бы кинжалъ», и т. д. Здѣсь—то же содержаніе, но выраженіе пріятно, мягко и не заключаетъ въ себѣ ничего жесткаго, отталкивающаго.

Алк. Да.

Сокр. Поэтому еслибы ты и часто рѣшался, но всякій разъ, когда намѣревался бы сдѣлать это, не узнавалъ бы Перикла; то не попалъ бы на него.

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Что же? думаешь ли, что Орестъ когда-нибудь попалъ бы на свою мать, еслибы такимъ образомъ не узналъ ея?

Алк. Не думаю.

С. *Сокр.* Вѣдь и онъ располагался умертвить, вѣроятно, не встрѣчную женщину и не чью-нибудь мать, но именно свою.

Алк. Правда.

Сокр. Стало-быть, людямъ съ такимъ расположеніемъ и съ такими мнѣніями лучше не знать подобныхъ вещей.

Алк. Видимо.

Сокр. Такъ видишь ли, что незнаніе нѣкоторыхъ вещей и для нѣкоторыхъ, извѣстнымъ образомъ расположенныхъ людей, есть добро, а не зло, какъ недавно казалось тебѣ?

Алк. Вѣроятно.

Д. *Сокр.* Сверхъ того, размотри, если хочешь, и то, что слѣдуетъ за этимъ;—тебѣ покажется, можетъ быть, и нелѣпымъ.

Алк. Что такое особенно, Сократъ?

Сокр. То, что, должно быть, относится, такъ сказать, къ приобрѣтенію другихъ знаній. Кто приобрѣлъ ихъ безъ наилучшаго, тому стяжателью приносятъ они мало пользы, а больше вредятъ. Смотри на это: не необходимо ли тебѣ кажется, что, намѣреваясь что-нибудь или дѣлать или говорить, мы сперва должны подумать, знаемъ ли и дѣйствительно ли знаемъ то, что намѣрены успѣшнѣе или говорить или дѣлать?

Е. *Алк.* Мнѣ кажется.

Сокр. Не правда ли, что риторы, напримѣръ, или имѣя знаніе, или думая, что знаютъ, всякій разъ совѣтуютъ намъ—одни касательно войны и мира, другіе касательно созидація стѣнъ и постройки гаваней? Однимъ словомъ: что

ни дѣлаетъ когда-нибудь городъ для другаго города, или самъ 145. для себя,—все бываетъ по совѣту риторовъ.

Алк. Ты правду говоришь.

Сокр. Такъ смотри и слѣдующее за этимъ: съумѣю ли разобрать дѣло ¹? Ты, вѣроятно, называешь людей разумными и неразумными?

Алк. Называю.

Сокр. И не многихъ ли — неразумными, а немногихъ разумными?

Алк. Такъ.

Сокр. И смотря на что-нибудь, называешь тѣми и другими?

Алк. Да.

Сокр. А назовешь ли ты разумнымъ того, кто умѣетъ В. совѣтовать, не зная, почему что-нибудь лучше и когда лучше?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Думаю,—и того, кто самую войну-то знаетъ, не зная, когда она лучше, и (во столько) во сколько времени лучше. Не правда ли?

Алк. Да.

Сокр. Не правда ли, что—и того, кто умѣетъ убить, отнять деньги, изгнать изъ отечества, не зная, когда лучше и кого лучше?

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. Слѣдовательно, кто знаетъ что-либо такое, и его С. знаніе сопровождается знаніемъ наилучшаго, тотъ почерпаетъ пользу, вѣроятно, въ этомъ самомъ знаніи. Не правда ли?

Алк. Да.

Сокр. И мы назовемъ его человѣкомъ разумнымъ и

¹ *Съумѣю ли разобрать дѣло* — *ἂν δυνήθω*. Это выраженіе вовсе не платоновское, но скорѣе походитъ на буквальный переводъ латинской фразы: *nunc potis fuerim*. Сократъ хотѣлъ сказать: въ состояніи ли буду я рассмотреть дѣло, *εἰ ἔχω δὲ εἶμι*, или, *εἰ οἶος τ' εἶμι*.

удовлетворительнымъ совѣтникомъ какъ городу, такъ и самому себѣ; а дѣлающаго ¹ противное этому не назовемъ. Или тебѣ не кажется?

Алк. По мнѣ такъ.

Сокр. Что же? изъ тѣхъ, которые умѣютъ ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ лука, или опять—биться на кулакахъ, либо бороться, также вступать въ другіе подвиги и дѣлать D. въ томъ же родѣ все иное, относящееся къ искусству, кто, скажешь ты, въ этомъ искусствѣ ² бываетъ лучшимъ? Напримѣръ, въ верховой ѣздѣ—не тотъ ли, кто искусно ѣздитъ верхомъ?

Алк. Тотъ.

Сокр. А въ борьбѣ, думаю, тотъ, кто искусно борется; въ игрѣ на флейтѣ — тотъ, кто искусно играетъ; вѣроятно, и другое подобно этому ³. Или какъ иначе?

Алк. Не иначе, а такъ.

Сокр. Но кажется ли тебѣ, что знатоку въ этихъ дѣлахъ необходимо быть также и человѣкомъ разумнымъ ⁴? Или скажемъ, что далеко до этого?

E. *Алк.* Конечно далеко, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Каково же, будетъ, думаешь, общество хорошихъ стрѣлковъ и флейщиковъ, также борцовъ и другихъ искусниковъ, перемѣшанныхъ съ людьми, о которыхъ мы сейчасъ говорили, которые то-есть знаютъ это самое — вести

¹ *А дѣлающаго противное этому не назовемъ.* Здѣсь τὸν δὲ μὴ ποιοῦντα крайне неумѣстно; ибо состоянію разумности должно противупологаться состояніе, а не дѣйствіе. Платонъ сказалъ бы: τὸν δ' ἐναντίον ἔχοντα.

² *Кто—въ этомъ искусствѣ бываетъ лучшимъ.* Здѣсь въ выраженіи κατὰ ταύτην τὴν τέχνην мѣстоимѣніе ταύτην, по какой-то странной нерадивости писателя, стоитъ вмѣсто ἐκείστην τούτων.

³ *И другое, подобное этому—καὶ τᾶλλα ἀνὰ λόγον τούτοις.* Платонъ никогда такъ не говорилъ. Въ этомъ случаѣ онъ сказалъ бы: καὶ τᾶλλα δὴ ὡσαύτως. Дѣло, конечно, неважное; но оно указываетъ на оттѣнокъ языка, привычный извѣстному писателю, и помогаетъ отличать подложное сочиненіе отъ подлиннаго.

⁴ *Необходимо быть также человѣкомъ разумнымъ—ἀναγκαῖον εἶναι—ἄρα καὶ ἀνδρα φρόνιμον.* Частица ἄρα здѣсь не имѣетъ никакого значенія. Мнѣ кажется, вмѣсто ἄρα надобно читать ἄμα.

войну и умерщвлять,—и сверхъ того съ риторамъ, дышущими вѣтромъ политики, — когда всѣ эти люди не имѣютъ знанія о наилучшемъ, и о томъ человѣкѣ, который знаетъ, когда лучше пользоваться каждымъ изъ нихъ и для кого 146. лучше?

Аж. Мнѣ кажется, худое, Сократъ.

Сокр. Ты сказалъ бы это тѣмъ болѣе, когда увидѣлъ бы, что каждый изъ нихъ тщеславится, и въ своемъ занятіи *поставляетъ важнѣйшую часть дѣлъ общественныхъ,*

Чтобы быть самого себя превосходнѣй ¹

(разумѣю въ самомъ искусствѣ наилучшее); а въ наилучшемъ для города и для него самого большею частію погрѣшаетъ—потому, думаю, что вѣрять мнѣнію безъ размышленія ². Когда же все это идетъ такъ,—не справедливо ли сказали бы **В.** мы, что такое общество исполнено великихъ тревогъ и несообразностей съ законами?

Аж. Конечно справедливо, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Такъ не казалось ли намъ по необходимости, что напередъ мы должны либо думать, что знаемъ, либо въ самомъ дѣлѣ знать то, что намѣрены съ готовностію или дѣлать или говорить?

Аж. Казалось.

Сокр. Но пусть кто-нибудь дѣлалъ бы, что знаетъ, или думаетъ, что знаетъ, и его дѣятельность сопровождалась бы знаніемъ наилучшаго:—полезна ли и выгодна ли она была бы для города и для него самого?

Аж. Почему же не такъ? **С.**

Сокр. Вѣдь еслибы, думаю, было противное этому; то не было бы пользы ни городу, ни ему самому.

Аж. Конечно нѣтъ.

¹ Писатель беретъ эти слова изъ Еврипидовой Антиопы, по подражанію извѣстному мѣсту въ Платоновомъ Горгіасѣ (р. 484 E), гдѣ тѣ же стихи приводятся гораздо приличнѣе.

² *Вѣрять мнѣнію безъ размышленія*, или безъ ума, *ἀνευ νοῦ*. Эта мысль прекрасно раскрыта Платономъ въ Менонѣ (р. 99 B. C).

Сокр. Что же? и теперь еще это кажется тебѣ такъ, или какъ иначе?

Алк. Нѣтъ не иначе, а такъ.

Сокр. Но не сказалъ ли ты, что неразумными называешь многихъ, а разумными немногихъ?

В. *Алк.* Сказалъ.

Сокр. И не скажемъ ли опять, что многіе погрѣшаютъ противъ наилучшаго, такъ что большею-таки частію вѣрятъ, думаю, мнѣнію безъ ума?

Алк. Конечно говорилъ.

Сокр. Стало-быть, многимъ полезно и не знать ничего, и не думать, что знаютъ, если только они будутъ усиливаться дѣлать то, что знаютъ, или думаютъ, что знаютъ, и дѣлая, станутъ больше приносить вреда, чѣмъ пользы.

Алк. Весьма справедливо.

Сокр. Итакъ видишь, не правильно ли я въ самомъ дѣлѣ, по твоему мнѣнію, говорилъ, утверждая, что стяжаніе **В.** то всѣхъ частныхъ знаній, если оно имѣется у кого-нибудь безъ знанія о наилучшемъ, должно быть, мало пользуетъ, а больше вредитъ тому, кто его имѣетъ?

Алк. Если не тогда, Сократъ, то теперь мнѣ это кажется.

Сокр. Слѣдовательно и городъ и душа, если они намѣрены жить правильно, должны держаться этого знанія — точно такъ, какъ больной держится врача, или желающій
147. безопасно плавать — кормчаго, чтобы заранѣе не овладѣло душою дыханіе вѣтра ¹; ибо безъ этого знанія, при стяжаніи ли денегъ, при крѣпости ли тѣла, или при другихъ подобныхъ благахъ, необходимы бываютъ, повидимому, тѣмъ

¹ *Чтобы заранѣе не овладѣло душою дыханіе вѣтра* — ὡσφ περ ἄν μὴ πρότερον ἐπουρίσῃ τὸ τῆς ψυχῆς. Это мѣсто критики всегда находили почему-то весьма темнымъ и оттого, думая, что оно испорчено, предполагали разные исправленія. Но я не вижу никакой нужды исправлять его. Надобно только замѣтить, что глаголь ἐπουρίσειν нерѣдко употребляется отрѣшенно, а μὴ πρότερον здѣсь должно управлять подразумевающимися словами: τοῦ ἀντέχεσθαι κυβερνήτου τινός.

большія отъ всего этого погрѣшности. Въ самомъ дѣлѣ, кто пріобрѣлъ такъ называемое многознаніе и многонаучность, и увлекается каждою изъ наукъ, а бѣденъ этимъ знаніемъ; тотъ, по всей справедливости, не подвергается ли сильной бурѣ и, проводя время на морѣ безъ кормчаго ¹, надолго ли, В. думаю, сохраняетъ жизнь? Такъ-то и здѣсь, по моему мнѣнію, сбывается изреченіе поэта, который, укоряя кого-то, говорить:

Много узналъ онъ вещей, но узналъ все это худо ².

Алк. Да какимъ же образомъ, Сократъ, идетъ сюда это изреченіе поэта? Вѣдь оно, мнѣ кажется, здѣсь вовсе не кстати.

Сокр. Напротивъ, очень кстати; только оно сказано загадочно, почтеннѣйшій, какъ говорятъ — и этотъ, и почти всѣ поэты. Вѣдь всякая поэзія по природѣ загадочна, и не каждому встрѣчному понять ее. Да и кромѣ того, что поэзія по природѣ такова,—она, прививаясь къ человѣку завистливому, который хочетъ не выказывать намъ, а сколько можно болѣе скрывать свою мудрость, является дѣломъ уже чрезвычайно неразгаданнымъ,—что такое разумѣтся у

¹ *Проводя время на морѣ безъ кормчаго, надолго ли, думаю, сохраняетъ жизнь?* Въ подлинникѣ эти слова стоятъ съ иною интерпункціою: ἄνευ κυβερνήτου διατελών ἐν πελάγεσι, χρόνον οὐ μακρὸν βίον θείων. По этой интерпункціи, съ одной стороны, къ глаголу θείων относятся два различныхъ винительныхъ, что заставило Стефана βίον измѣнить въ βιοῦ, а съ другой—причастіе διατελών остается безъ сказуемаго, что придаетъ ему значеніе крайне неопредѣленное. Чтобы затемненный этимъ смыслъ рѣчи представить съ надлежащею ясностію, я слово χρόνον отношу къ причастію διατελών и отдѣляю его запятою.

² Этотъ стихъ взятъ изъ Оморова Маргиса и, по мнѣнію Васенберга (ad vitam Homerі р. 11), читаемъ былъ такъ: πολλὰ μὲν ᾔδειεν ἔργα, κακῶς δὲ μάλ' ᾔδειε πάντα. Но такъ какъ ясный смыслъ этого стиха не подтверждалъ мысли Сократа, что науки часто бываютъ бесполезны, даже вредны; то онъ слова поэта лукаво извращаетъ и полагаетъ, что подъ словомъ *худое* (κακῶς) поэтъ разумѣлъ *худое*, а подъ словомъ *узналъ*—*знать*; какъ будто бы, то-есть, значеніе стиха было таково: πολλὰ μὲν ἠπίστατο ἔργα, κακὸν δὲ ἐπίστασθαι πάντα (αὐτῷ ᾔν),—

Много зналъ онъ вещей, но вещи все были худыя.

- каждаго изъ поэтовъ. Вѣдь и Омиръ-то, божественнѣйшій и мудрѣйшій поэтъ, понималъ, кажется, что невозможно знать худо, когда говорилъ, что *Маргисъ хотя и много зналъ, но все зналъ худо*; только онъ говорить, думаю, загадочно, употребляя слово *худо* вмѣсто *худое*, и *зналъ* вмѣсто *знать*. Въ такомъ соединеніи слова его не входили въ метръ; однакожь видно, чего онъ хотѣлъ: (онъ понималъ такъ, что Маргита) зналъ много вещей, но худо было ему знать всѣ ихъ. Итакъ явно, что если худо было ему знать многое; то онъ, когда надобно вѣрить вышесказанному, былъ человекъ плохой.
- Е. Алк. Да, мнѣ кажется, Сократъ. Съ трудомъ повѣрилъ бы я какимъ-нибудь инымъ словамъ, еслибы не повѣрилъ этимъ.

Сокр. И правильно кажется тебѣ ¹. Но вотъ, ради Зевса:— ты видишь, конечно, каково и сколь велико мое недоумѣніе, въ которомъ, кажется мнѣ, и самъ принимаешь участие,—нисколько не перестаешь бросаться туда и сюда; но что очень 148. казалось тебѣ и что одобрялъ, то самое теперь уже не кажется такимъ. Итакъ, если и сегодня еще явится тебѣ Богъ, къ которому идешь, и прежде чѣмъ будешь молить его о чемъ-либо, спросить тебя: — удовлетворишься ли ты, ставъ тѣмъ—то, о чемъ вначалѣ говорено было? а потомъ позволить самому тебѣ просить (чего хочешь); то скорѣе ли согласишься взять себѣ то, что дастъ тебѣ онъ самъ, или то, о чемъ думаешь молиться ты?

Алк. Но клянусь богами, Сократъ, я не могу ничего сказать на это. Дѣло-то, мнѣ кажется, глупое ² и по истинѣ

¹ И правильно кажется тебѣ. По подлинному тексту, вслѣдъ за этимъ Алквиадъ говорить: *πάλλιν αὖ μοι δοκεῖ*. Но такой повторительный отвѣтъ Алквиада нетолько не по характеру Платоновой рѣчи, но и не требуется по самому логическому ходу разговора. Это походить на что-то внесенное случайно и притомъ рукою невѣжественною. Трудно вообразить, чтобы порядочный писатель непосредственно соединилъ въ одной фразѣ *παῖν αὖ*. Посему, слѣдуя Асту, я позволилъ себѣ счесть это выраженіе излишнимъ и оставить его безъ перевода.

² Дѣло-то, мнѣ кажется, глупое — *ἀλλὰ μάργον τί μοι δοκεῖ*. Здѣсь слово *μάργον*; едва ли не аллюзія на Маргиса, изъ котораго взять вышеприведен-

требующее великой осторожности, какъ бы, по незнанію, не В. попросить его о чемъ-нибудь худомъ, почитая это хорошимъ, а потомъ немного спустя, какъ и ты говорилъ, пѣть иную гѣсню и отмаливаться отъ того самаго, о чемъ прежде молился.

Сокр. Такъ не больше ли насъ зналъ тотъ поэтъ, объ изреченіи котораго я упомянулъ вначалѣ, который, то-есть, просилъ, чтобы Богъ отвратилъ отъ насъ бѣдствія, хотя бы, мы и молились о нихъ?

Ал. Мнѣ кажется.

Сокр. Подражая ли этому-то поэту, Алквивіадъ, или такъ сами размысливши, и Лакедемоняне всегда, какъ частно, С. такъ и всенародно совершаютъ подобную же молитву, чтобы, то-есть, боги даровали имъ, кромѣ добраго, прекрасное,—и никогда не слышно, чтобы кто изъ нихъ просилъ чего-нибудь бѣдствія. Поэтому-то они и до настоящаго времени счастливы никого не менѣе. Если же и случается у нихъ, что не все бываетъ благополучно, то это не отъ молитвы ихъ: у боговъ, я думаю, есть опредѣленіе—давать и то, о чемъ кто молится, и противное тому. Хочу рассказать тебѣ и нѣчто D. другое, что я слышалъ отъ нѣкоторыхъ стариковъ. Когда между Аѳинянами и Лакедемонянами происходила вражда,— всегда случалось такъ, что нашъ городъ, сражаясь съ ними на сушѣ и на морѣ, терпѣлъ неудачи и никогда не могъ одолѣть ихъ. Досадуя на это и недоумѣвая, какое бы открытъ средство для отвращенія настоящихъ бѣдствій, Аѳиняне E. не посовѣтовались между собою и признали наилучшимъ дѣломъ послать къ Аммону и спросить его между прочимъ о томъ, за что боги даруютъ побѣду скорѣе Лакедемонянамъ, нежели имъ, тогда какъ мы, говорили они, въ сравненіи съ прочими Эллинами, приносимъ богамъ самыя большія и прекраснѣйшія жертвы, украсили вкладами храмы ихъ, какъ ни

ный стихъ Омира. Если моя догадка справедлива, то въ этой аллюзии далеко нѣтъ той аттической соли, которою такъ украшается рѣчь Платона.

кто другой, ежегодно давали имъ многостоящiе и благоговѣй-
 149. нѣйшiе праздники, и вносили деньги, сколько не вносили ихъ
 всѣ прочiе Греки. Лакедемоняне же, продолжали они, ни-
 когда не заботятся ни о чемъ этомъ, но такъ невнимательны
 къ богамъ, что каждый разъ приносятъ имъ въ жертву жи-
 вотныхъ увѣчныхъ, да и во всемъ прочемъ оказываютъ го-
 раздо менѣе богопочтенiя, чѣмъ мы, хотя нажили они денегъ
 не менѣе, чѣмъ нашъ городъ. Когда Аѳиняне высказали это
 В. и спросили, что надобно дѣлать имъ, чтобы найти средство
 избавиться отъ настоящихъ золъ, пророкъ не отвѣчалъ ¹
 ничего — (явно, что богъ не позволялъ), — но, призвав-
 ши Аѳинянъ, сказалъ: вотъ что говорить Аммонъ. Ему го-
 раздо угоднѣе, говорить, благоглаголанiе Лакедемонянъ,
 нежели всѣ жертвоприношенiя Эллиновъ. Только это ска-
 залъ онъ, и далѣе—ни слова. А подъ благоглаголанiемъ ²
 богъ разумѣлъ, кажется, не иное что, какъ молитву ихъ;
 ибо она въ самомъ дѣлѣ весьма отлична отъ молитвъ дру-
 гихъ городовъ. Прочiе Эллины, либо представляя златоро-
 С. гаго вола, либо одаряя боговъ вкладами, просятъ ихъ,
 о чемъ случится,—то о добрѣ, то о злѣ. Посему боги, слы-
 ша худо выражаемыя молитвы ихъ, не принимаютъ мно-
 гостоящихъ торжествъ и жертвъ. Да; мнѣ кажется, нужна

¹ Пророкъ не отвѣчалъ ничего — ἄλλο μὲν οὐδὲν ἀποκριθῆναι τὸν προφῆτην. Въ этомъ выраженiи, какъ и во множествѣ другихъ, мы замѣчаемъ новый слѣдъ позднѣйшаго происхожденiя разговора. Форма глагола ἀποκριθῆναι, вмѣсто ἀποκρίνασθαι, относится уже къ позднѣйшему развитiю языка; потому что въ языкѣ древнѣйшемъ ἀποκριθῆναι значило отступать, а не отвѣчать. Это подтверждаетъ и Аммонiй (р. 21): ἀποκριθῆναι καὶ ἀποκρίνασθαι διαφέρει, говоритъ онъ. Ἀποκριθῆναι μὲν γὰρ ἔστι τὸ ἀποχωρισθῆναι· ἀποκρίνασθαι δὲ τὸ ἐρωτηθέντα λόγον δοῦναι. О такомъ различii этихъ формъ говорятъ также Phrynichus р. 108. Eustath. ad Iliad. E. 12. Sturzius de Dialecto Alex. р. 148.

² А подъ благоглаголанiемъ богъ — разумѣетъ... τὴν γοῦν ἐνερμίαν. Считаю небезполезнымъ обратить вниманiе молодыхъ филологовъ на неумѣстное употребленiе здѣсь союза γοῦν вмѣсто οὖν. Явно, что въ этомъ выраженiи нѣтъ никакой причины ограничивать значенiе частицы οὖν; ибо по ограниченiи, она соотвѣтствовала бы уже русскому слову—такъ-то, чего настоящая мысль не допускаетъ.

великая осторожность и внимательность,—что надобно говорить и что нѣтъ. Ты найдешь другія, подобныя этимъ слова и у Омира. Онъ говоритъ, что Трояне ¹, строя лагерь,

Полную тамъ принесли гекатомву безсмертнымъ,
Запахъ же вѣтры съ поля того уносили на небо
Сладостный. Но не склонились къ нему блаженные боги,
Не восхотѣли они; досадилъ имъ священный Иліонъ,
Досадилъ и Пріамъ, и народъ броненосца Пріама;

D.

такъ что, досадивши богамъ, бесполезно закалали они жертвы, и напрасны были дары ихъ. Вѣдь свойство боговъ, думаю, не таково, чтобы они привлекались дарами, какъ злой ростовщикъ, и мы глупо говоримъ, утверждая, будто этимъ превосходимъ Лакедемонянъ. Да и бѣдственно было бы, если бы наши боги смотрѣли на дары и жертвы, а не на душу, благочестива ли она и праведна. На нее смотреть они, ^{150.} думаю, гораздо болѣе, чѣмъ на эти многостоящія торжества и жертвы, которыя ничто не мѣшаетъ ежегодно совершать и частному человѣку, и цѣлому городу, хотя бы онъ сдѣлалъ много преступленій противъ боговъ и человѣковъ. Они, не привлекаясь дарами, презираютъ все это, какъ говоритъ богъ и пророкъ божій. Слѣдовательно и у боговъ, и у человѣковъ, если они имѣютъ умъ, особенно уважаются, должно быть, справедливость и разумность. Разумны же и В. справедливы—только тѣ, которые знаютъ ², что должно дѣлать и говорить въ отношеніи къ богамъ и людямъ. Хотѣлъ бы я слышать и отъ тебя, что ты думаешь объ этомъ.

Алк. Но мнѣ, Сократъ, не иначе кажется, какъ тебѣ и

¹ Этихъ стиховъ ни въ кодексахъ Омировыхъ сочиненій, ни въ древнихъ изданіяхъ ихъ не находится. Они первоначально взяты были изъ настоящаго мѣста въ Алкивиадѣ и Барнезіемъ внесены въ Илиаду. См. VIII, 548. То же, по примѣру Барнезія, сдѣлалъ и Вольфій. См. *Wolf. Prolegg.* p. XXXVII. Снес. *Heyn.* ad *Iliad.* T. V. p. 511 seqq.

² Οὐκ ἄλλοι τινὲς εἰσὶν ἢ τῶν εἰδότεων. Надлежало бы сказать или: οὐκ ἄλλοι τινὲς ἢ οἱ εἰδότες, или: οὐκ ἄλλοι τινὲς τῶν εἰδότεων. Объ конструкціи здѣсь слыты въ одну. Впрочемъ снес. *Matthiae Gr.* § 450. 2.

богу. Да и не шло бы мнѣ подавать мнѣніе, противное божественному.

Сокр. А не помнишь ли, ты говорилъ, что весьма опасешься, какъ бы, по незнанію, не попросить себѣ зла, почитая его добромъ?

С. *Алк.* Помню.

Сокр. Такъ видишь, что не безопасно тебѣ идти къ богу съ молитвою, чтобы онъ, — вѣдь можетъ и такъ случиться, — внимая худо выражаемой молитвѣ твоей, не отвергъ этой жертвы, и чтобы тебѣ не пришлось получить что-нибудь другое. Поэтому, я думаю, всего лучше молчать; ибо молитвою Лакедемонянь, которая почитается наилучшею рѣчью при неразуміи, ты, по высокоумію, воспользоваться, думаю, не захочешь. И такъ необходимо ждать, пока кто не научитъ, какъ должно располагаться въ отношеніи къ Богу и къ людямъ.

Алк. Когда же наступитъ это время, Сократъ? и кто будетъ наставникомъ? Кажется, съ особеннымъ удовольствіемъ поглядѣлъ бы на этого человѣка, кто онъ.

Сокр. Это—тотъ, который печется о тебѣ ¹. Но мнѣ кажется, что какъ, по сказанію Омира, Афина прогнала мракъ отъ очей Діомиды ²,

Чтобъ хорошо могъ знать онъ и Бога, и человѣка:

Е. такъ и у тебя—сперва надобно прогнать мракъ отъ души,

¹ *Который печется о тебѣ* — ὁ μελεῖ. По мнѣнію Штальбома, Сократъ разумѣетъ здѣсь самого себя: но это, очевидно, несправедливо; потому что требуемый въ этомъ мѣстѣ наставникъ долженъ прежде разогнать мракъ души, чтобы она поняла и приняла его ученіе, да и потому, что этого наставника, какъ говоритъ Сократъ, надобно ожидать. Тонъ и выраженіе въ настоящемъ заключеніи бесѣды ощутительно возбуждаетъ мысль къ чаюнію наставника божественнаго. Умы, настроенные раціоналистически, чрезвычайно боятся, какъ бы языческому міру не приписать чувства потребности въ высшей помощи и не замѣтить въ немъ чаюнія, что долженъ придти Учитель съ неба.

² *Какъ Афина прогнала мракъ отъ очей Діомиды.* Указывается на мѣсто въ Илиадѣ V, 127 слл.

которымъ она покрыта, а потомъ уже показать ей то, чрезъ что имѣешь познать зло и добро; ибо теперь, мнѣ кажется, ты къ этому неспособенъ.

Алк. Пусть прогнать,—мракъ ли то будетъ, или что другое: я готовъ, и никакъ не убѣгу отъ его повелѣній, кто бы ни былъ тотъ человекъ,—лишь бы мнѣ сдѣлаться лучшимъ.

Сокр. Да и онъ дивное какое-то имѣетъ о тебѣ по-151. печеніе.

Алк. Тогда-то, мнѣ кажется, всего лучше будетъ и принести жертву.

Сокр. И правильно кажется тебѣ; потому что это вѣрнѣе, чѣмъ неблагоразумно подвергаться столь великой опасности.

Алк. Но какъ же, Сократъ?—въ такомъ случаѣ этотъ вѣнокъ,—за то, что ты прекрасно, повидимому, посовѣтовалъ мнѣ,—я возложу на тебя: а богамъ и вѣнки, и все В. прочее обычное поднесемъ тогда, когда увижу наступленіе того дня; наступить же онъ не чрезъ долгое время, если это будетъ угодно имъ.

Сокр. Принимаю и это, и принялъ бы съ удовольствіемъ все, что ни было бы дано тобою ¹. Какъ Креонъ, по разсказу Еврипида, видя увѣнчаннаго Тиресіаса ² и услышавъ, что онъ получилъ эту первую награду отъ непріятелей за свое искусство, сказалъ: побѣдный твой вѣнокъ почитаю счастливымъ предзнаменованіемъ; ибо мы, какъ ты знаешь, обуреваемся: такъ и я эту честь отъ тебя почитаю С. счастливымъ предвѣщаніемъ; ибо выдерживаю бурю, кажется, не меньшую, чѣмъ Креонова, и хотѣлъ бы быть побѣдителемъ твоихъ любителей.

¹ *Принялъ бы съ удовольствіемъ—ἡδέως ἴδοιμι δεξιόμενον ἐμαυτόν*: выраженіе чрезвычайно странное и какъ-то неловко изысканное. Платонъ сказалъ бы просто: *ἡδέως ἂν δεξιάμην*.

² Разсказъ о Креонѣ и Тиресіасѣ см. Eurip. Phoeniss. 865 слл.